

СЛОВО КОЛЕГ І УЧНІВ ПРО А. К. СМОЛЬСЬКУ

*Є. М. Черноіваненко,
доктор філологічних наук,
професор кафедри теорії літератури та компаративістики,
декан філологічного факультету ОНУ
імені І. І. Мечникова*

Право на благодарную память

Холерным летом 1970-го года мы поступили на филфак. Конкурс тогда был не чета нынешнему: семь человек на одно место. Те, кто смогли поступить в условиях такой конкуренции, знали, зачем они пришли на факультет. А уж на первом курсе учёба была безусловно главной составляющей нашего тогдашнего бытия.

Первый год в университете – самый трудный год (как тогда, так и сейчас). На первом курсе больше предметов, чем на пятом, да и предметы очень сложные, ведь вчерашний школьник имеет слишком поверхностное представление о литературах греческой античности и европейского Средневековья, о классификации звуков и системах стихосложения, не говоря уже о таинствах латыни.

Но есть на первом курсе ещё один предмет, который даже на этом фоне выглядит „великим и ужасным” – это старославянский язык. Сколько сил и труда, времени и нервов отнимал он у нас! При всех стараниях нередко казалось, что никогда тебе не продрасться сквозь дебри всех этих аористов и перфектов, супинов и имперфектов. (Кстати, этим летом зашла ко мне в деканат наша недавняя выпускница Лена Кузнецова и рассказала, что поступила в аспирантуру по палеославистике при Оломоуцком университете в Чехии, известном своими филологическими традициями. Так вот там, оказывается,

старославянский язык учат только в магистратуре, уже на 5-м курсе – слишком сложный предмет).

Но в отчаяние нас приводил не только (а может, даже не столько) старославянский язык сам по себе. Ужас положения усугублялся тем, что лекции по этому предмету читал и экзамен принимал сам профессор Назарий Иванович Букатевич. Выдающийся учёный, сохранивший в свои 89 лет прекрасную физическую форму (несмотря на годы пребывания в сталинском концлагере по сфабрикованному обвинению в украинском национализме), он в совершенстве знал свой предмет и умел прекрасно его преподавать. Это был человек безукоризненного дореволюционного воспитания – очень аккуратный, тактичный, уважительно относящийся к студентам. Но была у Назария Ивановича одна особенность: он просто не понимал, как можно не знать старославянский язык. Перепутать у него на экзамене перфект с имперфектом было страшнее, чем перепутать на экзамене по географии Австрию с Австралией. Рассказы старшекурсников о том, как они сдавали „Буке” экзамен кто пять, кто семь, а кто и все двенадцать раз, способствовали нашей окончательной деморализации.

Но когда тьма нашего отчаяния сгустилась до предела, вдруг начало всходить солнце. В середине семестра начались практические занятия по старославянскому языку, которые вела доцент Аделаида Константиновна Смольская. Она не хуже профессора Букатевича знала этот предмет, легко в нём ориентировалась. Ещё важнее было то, что она умела очень доступно объяснять не очень простые вещи. Но самым главным было другое: она очень хотела, чтобы мы хорошо сдали экзамен Назарию Ивановичу. Едва ли в этом был какой-то личный интерес, ведь они даже работали на разных кафедрах.

Аделаида Константиновна никогда не производила на меня впечатления сентиментального человека. Скорее наобо-

рот: её характеризовали жёсткость, нелюбезная прямота, ироничность. Она умела быть и частенько бывала „колючей”, о чём хорошо знали коллеги, а также нерадивые студенты. Но когда она видела, что студенты стараются освоить предмет, она была с ними необыкновенно мягкой и терпеливой.

Мы очень старались. Я, как и многие мои однокурсники, до сих пор помню несколько отрывков из Евангелия на старославянском языке, которые мы анализировали на практических с Аделаидой Константиновной. И как-то незаметно для нас непонятное становилось понятным; мы стали удивляться тому, как это можно – перепутать перфект и имперфект, ведь разница так очевидна. Страх ушёл, и нам постепенно стала открываться своеобразная красота старославянского языка.

Аделаида Константиновна пришла на экзамен, села рядом с профессором Букатевичем и в критических случаях старалась помочь кому-нибудь из сдающих вспомнить необходимое. Назарий Иванович был, как всегда, строг и придирчив. Но уже одно её присутствие вселяло в нас уверенность в своих знаниях. Наверное, в глубине души мы чувствовали и свою ответственность перед ней, понимали, что не можем её подвести. Теперь понимаю, что, не приди она на экзамен, он прошёл бы совсем по-другому. А через несколько лет, когда я уже начал работать на факультете, одна из коллег рассказала мне о том, как волновалась за нас Аделаида Константиновна перед тем экзаменом.

А на втором курсе я, „официально” изучая чешский язык в группе профессора Николая Владимировича Павлюка, „неофициально” старался хотя бы урывками посещать занятия по сербскохорватскому языку у Аделаиды Константиновны. Студентов этой группы она особенно любила. Занятия здесь проходили в удивительно дружелюбной и творческой атмосфере.

Не всем посчастливилось знать её такой. Но когда мы говорим о её жёсткости, нужно иметь в виду: требовательность и принципиальность Аделаиды Константиновны были обращены прежде всего к себе самой. Как преподаватель она была профессионалом высокого класса. Как учёный она пользовалась огромным авторитетом у лингвистов в Киеве и Москве, Белграде и Загребе, Софии и Варшаве. Болгарское правительство наградило её медалью „1300 лет Болгарии”.

Докторскую диссертацию она защитила в Московском университете им. М. В. Ломоносова. О подробностях защиты в силу своей скромности Аделаида Константиновна особенно не распространялась. В декабре 2003 года я, только что избранный деканом, в составе делегации нашего университета оказался в МГУ. В одном из перерывов между заседаниями Международного семинара университетов Евразии я отправился на филфак в гости к декану факультета, профессору Марине Леонтьевне Ремнёвой. Когда я пришёл, в её кабинете уже находился известный лингвист, профессор Минского университета Борис Юстинович Норман. Узнав, что я из Одесского университета, они оба стали спрашивать меня о том, как поживает Аделаида Константиновна Смольская. Удовлетворив их любопытство, я перешёл к обсуждению возможных путей сотрудничества наших факультетов. Через несколько минут в кабинет вошёл высокий пожилой человек, оказавшийся профессором Владимиром Павловичем Гудковым – автором знакомого мне со студенческих лет учебника сербскохорватского языка. Узнав о том, что я из Одессы, он тут же осведомился о здоровье Аделаиды Константиновны и попросил меня передать ей несколько новых работ, написанных им и его коллегами. Мы отправились с ним к нему на кафедру. Когда мы вошли, он представил меня как декана факультета, на котором работает Аделаида Константиновна Смольская. И здесь сначала начались вопросы о её здоровье, а потом просьбы передать приветы и добрые пожелания. Ка-

жется, тогда я впервые понял, что такое „купаться в лучах чужой славы”. Тогда же я по-настоящему понял, как необыкновенно высок её научный авторитет.

Столь же высоким был и её человеческий авторитет. Когда я стал деканом, в наших с ней отношениях не изменилось ровно ничего. Она, как и всегда раньше, открыто говорила мне всё, что считала нужным, иногда в чём-то не соглашалась со мной, но даже её несогласие всегда облекалось в безукоризненно корректную форму. Она не считала, что может, раз уж я был когда-то её студентом, позволить себе хоть грамм пренебрежения ко мне. И такой она была со всеми. Во всём этом проявлялась высокая нравственная культура Аделаиды Константиновны.

Сам факт её бытия на факультете и на кафедре общего и славянского языкознания оказывал, я бы сказал, морально-обеззараживающее воздействие. В присутствии Аделаиды Константиновны моментально погибали вирусы зазнайства, мании величия, пренебрежения к людям. При ней объявить себя великим учёным, а всех остальных – бездарными плагиаторами, было совершенно невозможно. После того, как её не стало, нам довелось осознать это со всей ясностью.

При всей своей серьёзности она не была занудой, она ценила юмор, умела смеяться, радоваться жизни, красоте. Из рассказов коллег, которые были с ней дружны, знаю, что она была мудрым человеком и в жизни ценила то, что ценят по-настоящему мудрые люди.

В советские времена нас убеждали в том, что незаменимых людей нет. Потом стало принято считать, что каждый человек незаменим. Думаю, истина, как обычно, где-то посередине: есть и те, и другие. От самого человека зависит, каким он станет, каким он себя сделает, выстроит и выстрадает. Аделаида Константиновна Смольская безусловно относится к незаменимым. Такой она себя сделала и этим заслужила право на нашу благодарную память о ней.